

УДК 316.614

Е.А. Воронцова

Любовь, семья, дети в языковой картине мира современного подростка

Формирование ценностей происходит в процессе социализации индивида, причем одним из наиболее активных периодов считается возраст от 12 до 18 лет. По мере взросления происходит не только когнитивное освоение реальности; «окружающий мир оказывается вовлеченным в личностную сферу человека: явления или предметы оцениваются, принимаются или отвергаются» [1], трансформируются в элементы картины мира. Смысловое моделирование мира в значительной мере определяется культурной парадигмой. В силу этого картина мира любой социопсихологической единицы – индивида, социальной или профессиональной группы, этноса – имеет свою специфику.

Данная статья представляет собой фрагмент более масштабного исследования, преследующего цель реконструировать картину мира современного подростка. Материалом для анализа послужили неузуальные номинации, собранные в ходе авторской игры-эксперимента «Мировое древо» (всего 773 единицы). По сценарию участникам игры (учащимся 8–11 классов) предлагалось «сконструировать» мировое древо, альтернативное мифологическому, «населить» его божествами и демонологическими сущностями, дать каждому из них имя и придумать «легенду» (описать функции и отношение к человеку).

Мы исходили из того, что выдвигание на первый (передний) план и закрепление на знаковом уровне тех или иных элементов мира не случайно, оно является результатом ценностного отношения.

Создавая собственную модель привлекательного бытия в соответствии с уже имеющимся опытом и прогнозами на будущее, подростки во главу угла ставят ценности жизни – любовь, семью, заботу о потомстве, дружбу, общение и пр. Наши наблюдения созвучны с данными социологических опросов (Е.М. Бабосов, В.И. Каравкин, Э.В. Котлярова и др.).

Взросление сопровождается ожиданием любви. На языке психологии эта особенность подросткового периода прозаично называется ростом интереса к противоположному полу. Любовь не просто занимает центральное место в иерархии витальных ценностей, но пронизывает все мироощущение подростков, собирая рекордное количество номинаций (35 единиц).

В поиске мотивационной базы для окказиональных имен номинаторы обращаются к словесным знакам, репрезентирующим данную референтную область не только в родных языках – русском, белорусском (*Любаша* ← рус. «любовь», *Кахлюр*, *Каха-каха* ← бел. «каханне»), но и в иностранных – английском, французском, итальянском, немецком (*Лавель*, *Lovu* ← англ. «love»; *Лямурий*, *Ля Мур-р-р* ← фр. «l' amour»; *Аморита* ← исп. «amor»; *Либетта* ← нем. «Lieba»), утверждая «чужие» слова в статусе интернациональной лексики.

Участники игры создают моносемантические и полисемантические образы. В первом случае предикация персонажа содержит указание только на одну референтную область: *Амурка* 'богиня любви'. Во втором, когда содержание образа проецируется на несколько смежных референтных областей, реализуется интуитивная попытка найти баланс между общим и частным: *Лямурий* 'бог любви, романтики, нежности' – доминирующим в данном контексте следует считать понятие, закодированное в имени собственном.

Толкование эмоций (а любовь есть эмоциональное состояние) представляет известную трудность для лингвистов, в частности лексикографов, «в силу недоступности их денотата прямому наблюдению» [92]. Как справляются с этой задачей подростки?

Образы любви моделируются путем экспликации тех или иных ее параметров, чаще всего достаточно стереотипных, надо заметить.

В идеале любовь должна быть разделенной: *Любовь* 'объединяет людей', *Любаша* 'богиня любви, влюбляет всех влюбленных'; долговечной: *Эросмида* 'богиня любви и верности'; предполагает духовную близость и взаимопонимание субъектов: *Майа* 'богиня любви, сближает людей, учит их понимать друг друга с полуслова' (← май, «след» устойчивой ассоциации любовь – весна¹), а в пресуппозиции – эстетическую оценку предмета²: *Орифлейм* 'богиня плодородия, красоты и любви'; сопровождается положительным эмоциональным состоянием: *Клавдия Федоровна* 'богиня любви,

¹ По данным РАС, любовь является одной из частотных реакций на стимул весна («любовь» – 18 ответов, «любви» – 6, «пора любви» – 2) [4].

² Правда, иногда с «оптическим сдвигом», как остроумно замечает С.Г. Воркачев [4].

дарит влюбленным счастье'. У нее есть некоторые поведенческие и портретные особенности: *Поцелушка* 'богиня любви и поцелуев', *Буся* 'богиня нежности, очень любит целоваться, и у нее очень длинные ресницы'; отмечается тяготение к розовому цвету: *О-го-го* 'бог любви, ходит в розовом, перемещается на облаках'.

Метафорически любовь представляется некой субстанцией, аналогичной первостихиям, в частности воздуху, но в отличие от них не каждому человеку дается в ощущениях: *Каханьница* 'богиня любви, каждое утро вселяет в воздух дух любви, который в себя впитывают способные на любовь'. Образная ассоциация «любовь – воздух» – довольно редко фиксируется в текстах художественной литературы, но в данном случае мы предполагаем параллели с поэтическим творчеством В. Высоцкого³.

Закономерно, что «образы, характерные для данного фрагмента языковой картины мира, ассоциативно связаны с природой, внешним миром» [5]: *Ангел* 'следит, чтобы на Земле никогда не исчезала любовь, чтобы любовь была светлая, как солнце. и прозрачная, как небо', *Облако любви* (+*О-го-го*). Благодаря диапазону конвенциональных образных средств (солнце, небо, облака) широкоизвестное определение любви как «возвышенного» чувства приобретает буквальный смысл.

Неожиданно в ассоциативную цепочку включается культурная реалья: *Первый самолет* 'богиня любви' – семантический потенциал лексики «самолет» (имеет крылья, летает, поднимается в небо, к облакам) позволяет переосмыслить ее функции в контексте человеческих чувств (летать на крыльях любви, витать в облаках, быть на седьмом небе от счастья и пр.). Несоответствие формальной организации и семантического наполнения данного наименования является, на наш взгляд, следствием своеобразного травестирования мифологического Купидона-Амура, традиционно изображаемого в виде мальчика с крылышками. Образ Амура так прочно закреплен в культурной памяти, что не единожды включается в языковую игру: *Амурка* 'богиня любви'.

Количественная градация, интенсивность чувства передается через конвенциональную метафору огня/костра. *Аморита* 'богиня любви, соединяет сердца влюбленных и делает так, чтобы их любовь с каждым днем становилась крепче, она подкидывает дрова в пылающие огнем сердца'. Наиболее эмоционально интенсивная форма любви – страсть: *Огний* 'бог страсти'. В такой ситуации ассоциация с огнем абсолютно предсказуема (ср. в русской языковой картине мира: огонь желаний, пламенная страсть, пылать страстью, горячая любовь, костер любви и пр., остуда – нелюбовь, горелки – игры, приуроченные к Ладиным праздникам). В.Ю. Апресян и Ю.Д. Апресян объясняют природу метафоры тем, что «тепло человека реагирует на такое чувство, как на жар» [6].

Лексический материал подтверждает, что «любовь полна антиномий» [4, с. 57]. Так, подростки разделяют любовь на платоническую и телесную: *Амаретта* 'богиня любви, плотской и духовной, помогала возлюбленным встретиться и разъединяла неподходящих друг другу людей'. Детализация понятийной области во многом обусловлена гендером. Девочки сосредоточены на эмоциональных переживаниях: *Ля Мур-р-р* 'богиня любви, распределяет любовь между людьми, мирит поссорившихся влюбленных', для мальчиков любовь – это прежде всего физический контакт и сопутствующее ему наслаждение:

³ Ср. «Баллада о любви»: «Когда волна всемирного потопа / Вернулась вновь в границы берегов, / Из пены уходящего потока / На сушу тихо выбралась Любовь / И рас-творилась в воздухе до срока, / А срока было сорок сороков. / И чудачки – еще такие есть – / Вдыхают полной грудью эту смесь... (курсив наш – Е.В.)».

Эрогенция 'богиня любви' (← эрогенный). **Камафилий** 'бог наслаждений' (← «Камасутра»)⁴. Одновременно актуализируется, хотя и не афишируется открыто, тема секса: **Тайное желание** 'вносит раздор и смятение в мужские ряды на Земле'.

Допускается возможность любви «натуральной» и гомосексуальной: **Бонус Моисеев** 'раньше соблазнял он фей, нынче Бонус – добрый гей; бог секса, геев, шалунов, «певцов»', **Дольчиус и Габбаниус** 'женское начало – мужское начало, боги любви и продолжения рода'. Обращение подростков к теме гомосексуальных отношений можно рассматривать как реакцию на распространение гей-культуры, проводниками которой в современном обществе выступают эстрада и «индустрия красоты».

Понятие «любовь» коррелирует с понятием «добро», но иногда смещается в область зла, если приобретает порочные формы: **Перверсия** 'богиня соращения, искушения, злодейка' (← англ. «perverse» – извращенный).

Любовь амбивалентна, ее обратная сторона – ненависть (3 номинации): **Любовисть** 'бог любви и ненависти, у него раздвоение личности' (ср.: от любви до ненависти один шаг), **Уродка жизни** 'богиня ненависти, разбивает сердца всех влюбленных'. Ненависть может переживаться и вне зависимости от любви: **Анидаг** 'бог ненависти' (слово-«перевертыш» от гадина).

Одной из дефиниционных сем фундаментального культурного концепта «любовь», по Ю.Д. Апресяну, является сема «главная созидательная сила жизни» [7]. В этом качестве любовь выступает предпосылкой для создания семьи и продолжения рода. То, что семья и дети замещают высшие позиции ценностной иерархии⁵, объясняется, в конечном счете, биологической природой человека.

Семья (18 номинаций) мыслится как самодовлеющая система, ее стабильность гарантирована официальной регистрацией брака, соблюдением моральных норм: **Заксия** 'богиня верности и семейного очага' (← ЗАГС). Взаимоотношения в семье исчисляются по формуле «любовь+тепло+мир»: **Люботепломир** 'бог семейного очага'. Члены семьи живут вместе, поэтому неоднократное упоминание синонимов семьи «дом», «очаг» акцентирует «семантику семейного пространства и порядка» [9]: **Хомчик** 'бог домашнего очага', **Доминик Домович** 'бог-покровитель семьи и домашнего очага, поддерживает уют в доме, он играет с маленькими детьми, пока их родителей нет рядом'. Организация быта, домашние хлопоты, равно как забота о душевном равновесии домочадцев, адресуются женщине: **Хозяюшка** 'отвечает за порядок в доме и в душе', **Помогайка** 'следит, чтобы все было на своих местах, помогает поддерживать в доме чистоту и порядок'.

Описание семейно-ролевого поведения и сопутствующая оценка укладываются в матрицу бинарных оппозиций «активное/пассивное», «верх/низ», «хорошо/плохо»: **Мамика** 'верховная богиня, прародительница, богиня семьи, в меру упитанная и всеми любимая'; **Пападур** 'верховный бог нижнего мира, вместо трона – диван, рядом – телевизор, с газетой и бутылкой пива в руках'. Имена мотивированы конкретными существительными «мама» и

⁴ Визуально тема секса в работах мальчиков развивается изображениями кондома, мужских половых органов, обнаженного женского тела с гипертрофированной грудью и животом.

⁵ Можно проиллюстрировать наше замечание данными социологических исследований. Например, В.И. Каравкин, анализирувавший социальное самочувствие современного юношества (опрос проводился среди студентов Витебского государственного университета имени П.М. Машерова), делится наблюдениями: «на вопрос «Что, по Вашему мнению, является мерилем жизненного успеха?»... 75,04% респондентов ответили: «Счастье, любовь и согласие в семье!»... Более того, около 60% респондентов на вопрос «Чему вы намерены посвятить в первую очередь свою жизнь в будущем?» ответили: «семье» [8].

«папа», образованными в детской речи, поэтому их содержание ограничено узким пониманием семьи, самых близких людей по отношению к ребенку (в отличие от «мать», «отец», обнаруживающих дополнительные семьи; ср.: Родина-мать, мать-природа, отец народов, отец Сергей и пр.).

Объединенные в пару, персонажи объективируют социальный стереотип, который сложился в синхронии и согласно которому ядром семьи выступает женщина.

Мама – активное начало, дающее жизнь (*прародительница*), главенствующее (*богиня семьи*, соответствующий маркер элиминирован у второго персонажа), кормящее, а следовательно, поддерживающее жизнь (*упитанная* стимулирует ассоциативный ряд питаться → готовить пищу/кухня → питать), источник доброты (*упитанная* → добрая⁶, теплая, ср. расхожее «хорошего человека должно быть много»), одновременно связующее звено и полюс притяжения положительных эмоций (*всеми любимая*; в образовании окказионализма участвует суффикс с уменьшительно-ласкательным значением *-ик-*).

Папа тоже имеет предельно высокий статус (*верховный бог*), но в проекции на поле отрицательной оценки (*нижнего мира*). Пассивная позиция персонажа задается прежде всего отсутствием глагольных форм и дериватов в предикативе. Четко обозначено место локализации «папы» в интерьере квартиры (*диван, рядом – телевизор*), и специфические, соответствующие гендерному стереотипу атрибуты (*газета, бутылка пива*). Портретное описание дополняется включением в словообразовательный процесс существительных «самодур» или, что тоже возможно, «дурак».

Функциональная дистрибуция и аксиологическое измерение главных членов семьи аналогичным образом отражаются данными ассоциативных экспериментов. Так, «мама» и «папа» стимулируют параллельные реакции типа «любимая/любимый», «милая/милый», «добрая/добрый», «дорогая/дорогой», «дом», «хорошая/хороший», «уважение» и др. Вместе с тем каждое из ключевых слов обнаруживает собственные, специфические связи, восходящие к прототипу: «мама» – «тепло, ласковая, жизнь, кухня, долг, кровь, любит, многодетная, олады, пирог, помощь, понимающая, свято, теплый, трезва» [3], «золотые руки, трудолюбивая, борщ, завтрак, суп, чаю, щи, хозяйка» [10]; «папа» – «пьяный, безразличный, вредный, дурак, подушка, пьяница, телевизор, квартира» [3], «бездельник, домашний, ленивый, тунеядец» [10]. Этот прототип обнаруживает очевидное сходство с моделируемыми образами.

В лексическом материале находят отражение и отнюдь не идиллические примеры семейного сосуществования: *Пилара* 'жена Босятко, богиня ссор, разводов, измен, прелюбодеяния', *Падлачка* 'соблазняет чужих мужей и сплавает их до белой горячки'. Кстати, подобная поло-ролевая маркировка отрицательных персонажей прочно закреплена в обыденном сознании, где образ женщины амбивалентен – не только друг, хозяйка, рукодельница, советчица, нянька, но и скандалистка, блудница, разлучница. В современных трактовках «женского начала, распределенного в архетипах между «верхом» (материнство, объект супружеского долга) и «низом» (прелюбодеяние, блуд, сексуальный акт, не направленный на исполнение заповеди умножения рода» [11]) усматривается след древнейшей традиции.

Семья ощущается звеном в цепочке рода: *Ксопальмида* 'богиня-мать, покровительница семейного очага и племени', *Роддомица* 'богиня продолжения рода'. Отсутствие «генеалогической» памяти вызывает порицание: *Пузыр* 'он не знал своих родственников за 7 поколений' – в метафорическом изображении человек, оторвавшийся от своих корней, кажется пустым, легковесным, неустойчивым, а также уязвимым, беззащитным.

⁶ На стимул «полный», «толстый» получена реакция «добрый» [10].

Современные подростки ориентированы на традиционную модель счастливой семьи, в которой есть дети: **Семейник** 'рождение детей, создание полноценной семьи – вот его обязанность'.

Главная особенность знакового комплекса «дети» (10 номинаций) состоит в том, что персонифицируется преимущественно младенческий и ранний период детства – самый приятный с точки зрения стороннего наблюдателя. Мы находим целую галерею очаровательных «кукольных» образов: **Агуша** 'бог младенцев, румяный, толстенький, с погремушкой, с соской, в подгузниках', **Глюкир** 'бог сладостей, покровитель детей, добродушный, постоянно ходит с карамелькой за щекой', **бебики** 'духи маленьких детей'. В дополнение к ним создаются персонажи, наделяемые родительскими функциями. Эти в основном развлекают своих подопечных: **Шалунчик** 'придумывает игры для детей', **Игрунок** 'заботится о маленьких детях, не дает им скучать'; укладывают спать: **Псевдовампирчик** 'своим укусом заставляет детей засыпать'; успокаивают, если те плачут: **Грустишка** 'бог грустных детей, утешает плачущих детей, щекочет их своим хвостиком', иногда контролируют, чтобы их не обижали: **Кельвинус-Кляйнуус** 'бог-ребенок, который защищает детей от несправедливости, делая их меньше'. Уход за ребенком, ответственность за его здоровье и безопасность, увы, остаются без внимания. Похоже, будто моделируя образы детства, подростки – вчерашние дети – играют в «дочки-матери».

Анализ данных ненаправленного эксперимента, каковым является наша игра, позволяет делать выводы о высокой эмоциональной привлекательности и социальной значимости традиционных ценностей для современных подростков. Любовь, семья, дети представлены в их сознании органически взаимосвязанными, позитивно коннотатированными понятиями. И независимо от того, какие реальные образцы поведения демонстрирует подрастающее поколение, можно надеяться, что норма освоена, а именно она оказывает регулирующее воздействие на индивидуальную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Дмитровская, М.А.** Знание и мнение: образ мира, образ человека / М.А. Дмитровская // Логический анализ языка: Знание и мнение. – М., 1988. – С. 8.
2. **Воркачев, С.Г.** Любовь как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М., 2007. – С. 92.
3. **Русский ассоциативный словарь.** – Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. – М., 1994.
4. **Воркачев, С.Г.** Национально-культурная специфика концепта любви в русской и испанской паремииологии / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 1995. – № 5. – С. 57–66.
5. **Лобкова, Е.В.** Образ-концепт «любовь» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Лобкова. – Омск, 2005. – С. 11.
6. **Апресян, В.Ю.** Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 35.
7. **Апресян, Ю.Д.** Любить, обожать / Ю.Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М., 2004. – С. 522.
8. **Каравкин, В.И.** Духовные интенции современной молодежи (социологический анализ) / В.И. Каравкин. – Витебск, 2005. – С. 9.
9. **Добровольская, Е.В.** Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Добровольская. – Томск, 2005. – С. 14.
10. **Русский ассоциативный словарь.** – Кн. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. – М., 1994.

11. **Шигарева, И.О.** Синонимия «верхнего» и «нижнего» в языковых картинах мира носителей разных культур / И.О. Шигарева // Язык и культура: Тезисы докл. Третьей междунар. науч. конф. (июнь 1994 г.). – Киев, 1994. – С. 227.

S U M M A R Y

The article analyses the vocabulary material (773 units) collected during the experimental game «A World Thee» (among the children of the 8th–11th forms).

The data recieved in the course of analysis allows the author to conclude that traditional vital values such as love, family and children are still of high emotional attractiveness and social importance.

Поступила в редакцию 13.09.2007